

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

© ЭО, 2004 г., № 4

В. А. Тишков. Реквием по этносу. М.: Наука, 2003. 544 с.

Название десятой по счету книги, написанной В.А. Тишковым, – “Реквием по этносу” – гораздо более эпатажно, чем сама книга, которая представляет собой ряд вполне корректных дискуссионных очерков, отнюдь не ставящих целью сенсационное ниспровержение основ. Правда, некоторым эпатажным задором отмечены введение (“Апология автора и его критиков”) и первая глава (“Этнография и социально-культурная антропология”). С разбора этих разделов и начнем данную рецензию.

Основной постулат книги дан в первом ее абзаце. В основе мирового процесса лежит не просто эволюция, а взаимодействие факторов интеграции (глобальной) и автономии (локальной), что можно назвать “глокализацией”, и почему же тогда не считать главной в этнографии установку видеть “все во всем”?

Ответим: понимание того, что мировой процесс есть диалектическое единство интеграции и дифференциации, конвергенции и дивергенции, отнюдь не сводится к нынешней “глокализации”, а старо если уж не как сам мир, то по меньшей мере как старик Ибн Хальдун. Но по закону смычки крайностей видеть все во всем значит не видеть ничего нигде – разве что кроме собственных сиюсекундных ощущений. Впрочем, последовательное приложение принципов крайнего постмодернизма, кажется, именно в эту точку и приводит. Кажется – потому что, опять-таки, как кажется – никто еще не пытался определить, что такое последовательный постмодернизм.

Научные фундаментальные труды, в том числе не только по истории, но и по социологии, родоначальником которой Ибн Хальдуна не без основания считают, в его времена писались на пергаменте – и прожили века. В те времена и еще примерно полтысячи лет эти труды высились на горизонте науки подобно каменным менгирам-монолитам, и считалось, что только с опорой на эти краугольные камни можно возводить структуры, пригодные для интеллектуального обитания. Впрочем, вскоре станок Гутенберга начал вносить некоторые коррективы в этот постулат. Бумага полностью вытеснила пергамент, и количество книг стало стремительно расти, параллельно с непрерывным снижением их качества, как чисто товарно-физического, так и духовно-содержательного.

Сегодня на моей книжной полке рядом стоят фолианты XVII в. и ротاپринтные издания 20-летней, а то и меньшей давности. Первые физически пригодны для чтения почти так же, как и в год издания, и не менее, если не более, содержательно интересны. Вторые на глазах стремительно превращаются в труху. Содержательно многие из них уже в год издания и были таковой.

Миллионы томов старых и новых книг еще многие десятилетия и столетия будут постепенно превращаться в труху на полках наших библиотек. Часть из них будет оцифрована или еще как-то закреплена и получит шанс сохраниться на тысячелетия. Но эра массового чтения уже закончилась. Место монолитов-пергаментов прошлого заняли сайты интернета – вещь виртуальная, интерактивная, недолговечная, текучая. Соответственно текучей становится и научная мысль, особенно гуманитарная. В полной мере воплощается то, что еще в XVIII в. японцы прозорливо называли *укиё*, т.е. плывущий мир. Зацепиться, закоротиться все более не за что.

Одной из основных заслуг В.А. Тишкова перед нашей наукой является то, что он полно и ярко, как никто другой, высветил в своих трудах именно эту ситуацию. Вот мы и подошли ко второму абзацу первой страницы его книги. Тут содержится призыв “преодолеть нишу этничности и групповую категоризацию” (привязку к менгирам-монолитам) и “встать на путь познания культурных смыслов деятельности различных социальных коалиций”, противопоставленных “исследованию дискретных единиц антропологического (этнологического) анализа и

их отношений между собой”. “Однако эта установка современной интерпретативной антропологии трудно воспринимается в российском научном сообществе”.

Вот, собственно, и все. Становится ясно, почему, возглавив Институт этнографии, В.А. Тишков добивается его переименования в Институт этнологии и антропологии – и правильно делает. Вовсе не ради физической антропологии, которая в современных приоритетах института значит довольно мало, хотя В.А. Тишков и называет ее “важным направлением” (с. 37). Нет, ради социальной антропологии, которая, в отличие от этнологии, имеет дело вовсе не с этносами, этакими громоздкими ящиками – “дискретными нишами этничности”, даже современные отношения коих, довольно медленно меняющиеся, можно понять только в свете многовековой истории их эволюции; это делается ради той антропологии, которая имеет дело не с этносом, а с социальным антропосом в его сиюминутных, текучих, диффузных эфемерных “коалициях”, почти броуновское движение которых можно увидеть лишь на срезе современности, безотносительно к их предыстории, и уловить в нем если не закономерность, то хотя бы некоторый “паттерн”. В этом и есть весь “fun” социальной антропологии, и он-то так и увлекает Тишкова. Его увлечение вполне можно понять, и не следует излишне драматизировать ситуацию. Научные турниры в защиту чести прекрасных дам – “позитивистской эволюционной этнологии” и “интерактивной социоантропологической герменевтики” – просто должны проходить по определенным правилам, и пусть на щитах рыцарей красуются даже такие невиданно страшные звери, как примордиализм и постмодернизм, лишь бы получивших удар критическим копьем не выносили с поля боя на носилках. Не сталинско-лысенковские же нынче времена! Это замечательно, когда антрополог В.А. Тишков может проследить, как человеческие атомы русско-канадской семьи меняют свою валентность с русской на канадскую, с канадской на британскую, а затем и вновь на русскую или прорусскую (с. 436 и далее), следуя извивам окказионально-ситуативных “коалиций”, но не запрещать же философу-этнологу С.Е. Рыбакову рассматривать русский монолит в его преемственной русскости и выявлять ту микрокристаллическую структуру, которая позволяет ему оставаться монолитом невзирая на то, что нет в мире монолитов, хотя бы отчасти не подверженных эрозии. Рисуйте на щитах любых зверей, синьоры, но соблюдайте рыцарские правила!

Конечно, на страницах своей книги соотношение и определение этнологии, этнографии и социальной антропологии В.А. Тишков дает несколько иначе, чем я попытался это сделать тут, равно и несколько иначе описывает мотивацию эпопеи переименования Института, но мне все же кажется, что суть дела я изложил пусть упрощенно, но все-таки без искажений.

Перепрыгнув через почти полтысячи страниц, со с. 50 на с. 490, заглянем в последнюю, четырнадцатую главу. В общем она о том же, ибо называется “Диалог истории и антропологии”. Ведь этнология – это всего лишь одна из граней истории, а именно история этносов. И хотя В.А. Тишков говорит о своей двойной лояльности обеим дисциплинам – истории и этнологии, по-настоящему он лоялен только антропологии. И трудно согласиться после прочтения первой главы, что стать этнологом значит работать на основе этнографического метода и мыслить антропологически. Все-таки в отличие от социального или культурного антрополога, неразлучного с этнографическим методом, этнологу никуда не деться от кросскультурного, историко-сравнительного метода, а значит, хочешь не хочешь, и мыслить придется исторически. Потому-то, видимо, к вполне оправданному возмущению В.А. Тишкова, деревня Алтухово оказалась неинтересна сотрудницам экспедиции по Рязанской обл. “Бабушек мало”, т.е. не хватает исторической ретроспективы, а изучать игру современных “коалиций”, “буквально алчущую” своего исследователя в любой подобной деревне или малом городе, сотрудницы не обучены, ибо из них готовили в университете кого угодно, но только не социальных антропологов (с. 491).

Впрочем, явная потребность в социальных антропологах не отменяет востребованности классических исторических этнографов и этнологов. Сегодня действительно некому толком и беспристрастно проанализировать сложнейшую и насущнейшую проблему конфликтных игр самых разных “коалиций” и “конфигураций”, притом отнюдь не только этнических, в нынешней Карачаево-Черкесии, и тем не менее земной поклон М.Д. Каракетову за то, что он занялся не ими, а вместо этого сумел и успел добиться доверия нескольких карачаевских столетних бабушек (увы, сейчас уже покойных) и записать от них обширный комплекс табуированных культовых формул, заклинаний и заговоров, иначе они так бы и остались неизвестными науке.

Из 40 страниц 14-й главы более половины посвящено не столько “диалогу истории и антропологии”, сколько злободневным проблемам этноса, нации, государства, государственно-

тельства, сепаратизма, реальным и эвентуальным путям постсоветского развития. Попытка сплести отходную по этносу здесь приходит к своему финалу, и становится ясно, что этнос похоронить не удастся, хотя и очень хочется. Покойничек пока что бодр и деятелен, и наверняка еще не раз себя покажет, хотя, возможно, и не с лучшей стороны – в последнем я с В.А. Тишковым вполне согласен.

Да и о нации, наверное, забывать не стоит. Следует лишь помнить также о том, что есть гражданская, политическая нация – россияне, к примеру, или британцы, и есть русская и английская этнонация. Однако именно русская (или английская) этнонация является той осью в экономико-культурно-политической ассоциации, с которой татарская, якутская, аварская, цезская (или шотландская, уэльская, корнуольская, оркнейская, нормандская) этнонации, этнонародности и даже этноплеменные группы совместно создают российскую (британскую) политонацию.

Тем и страшен этносепаратизм, что он рвет глубоко сросшиеся кровеносные сосуды таких ассоциативных связей. С другой стороны, когда цезы и андийцы, вопреки грубейшему нажиму аварской этнополитической элиты, стремятся утвердить свою этническую самобытность, они проявляют отнюдь не этносепаратизм, а лишь стремление повысить уровень ассоциированности как россиян, сменить этноплеменной статус на статус полноценной народности. Равным образом и так называемый сепаратизм абхазов или южных осетин есть лишь отстаивание реальных ассоциативных связей, сложившихся в недрах СССР и разорванных его распадом. Если, отстаивая правомерность всех таких движений и тенденций, я и заработаю ярлык “национально-мыслящего консерватора” (см. с. 15 рецензируемой книги), то приму его с благодарностью, без сожалений уступив лавры “космополитически ориентированной либералки” скорее С.М. Червонной, нежели В.А. Тишкову.

Обращаясь к вопросу, закономерен или случаен был коллапс СССР, В.А. Тишков касается кардинального вопроса о роли личности и случайности в истории. Уж сколько лет столь многих интеллектуалов мучает вопрос, от которого серьезные историки стараются отмахнуться: как сложилась бы история XIX в., если бы Наполеон Бонапарт был сражен шальной пулей на Аркольском мосту? Я все же думаю, что распад Испанской колониальной империи, война Севера и Юга в США, объединение Германии, отмена крепостного права в России, сипайское восстание в Индии и тайпинское в Китае, колониальный раздел Африки и модернизация Японии, со всеми их последствиями, произошли бы и в этом случае. Возможно, будь на месте М.С. Горбачева еще более широко мыслящий и глубоко образованный политик, он сумел бы провести перестройку более тонко и плавно и даже избежал бы полного распада СССР (однако не выхода из него стран Балтии и Закавказья). Но такого политика в руководстве КПСС не было. Был Горбачев. И было то, что было.

В каждой из остающихся 12 глав новой книги В.А. Тишкова есть много ценного, интересного, такого, что вызывает острое желание доброжелательно и конструктивно поспорить, но я не буду делать этого по трем причинам. Во-первых, никакого места для этого не хватит. Во-вторых, отчасти я это уже делал (в частности, в той части текста, которая касается диаспор). В-третьих, книга имеет послесловие (“Вместо заключения”), написанное и ранее в несколько ином варианте опубликованное В.С. Малаховым. И хотя со многими оценками и постулатами В.С. Малахова я тоже готов поспорить не менее, чем с самим В.А. Тишковым, все же это не мешает мне присоединиться к Малахову в высокой оценке заслуг и вклада Тишкова в деле поднятия отечественной этнолого-антропологической мысли на качественно новый уровень. В любом случае хочу напомнить не столько самому В.А. Тишкову (он в этом напоминании вряд ли нуждается), сколько его оппонентам о золотом правиле древних – *audiatur et altera pars*.

С.А. Арутюнов